

П. Г. Васенко

**Бояре Романовы и воцарение Михаила
Феодоровича**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Г. Васенко**
Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича / П. Г. Васенко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 279 с.

ISBN 978-5-518-00883-0

ISBN 978-5-518-00883-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1287 году, онъ былъ крещенъ съ именемъ Іоанна, какъ все это будетъ подробнѣе изложено въ послѣдующей спеціальной генеалогической исторіи. Вышеупомянутый его сынъ, названный въ Россіи *Андреемъ Ивановичемъ Камбилою* (а искажено по *Кабыла* или *Кобыла*) оставилъ послѣ себя многочисленное потомство, которое по прозвищамъ его и его отца получило названіе рода *Кабылинныхъ* или *Кобылинныхъ*»⁶.

Если отъ этихъ утвержденій обратиться къ доказательствамъ ихъ, помещеннымъ во второй части труда⁷) Каменгаузена, то мы увидимъ странное на первый взглядъ, но иногда встрѣчаемое у изслѣдователей сочетаніе критическаго чутья съ способностью строить малообоснованныя догадки и считать ихъ неопровержимыми. Каменгаузенъ очень жѣтко критикуетъ заблужденія своихъ предшественниковъ, съ которыми намъ предстоитъ еще познакомиться, баснословящихъ о короляхъ Прутено и Войдеводѣ и т. д., но свои утвержденія о Гландагѣ Камбилѣ и его сынѣ основываетъ на довѣрші къ изысканіямъ критикуемыхъ имъ лицъ. Онъ говоритъ: «Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по сему вопросамъ сходство показаній, которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ,—дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландагъ) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго рода Романовыхъ, но что онъ былъ и выходцемъ изъ Самогитіи и соседней съ нею Зюдъ-ауеръ-ляндіи; былъ въ этихъ странахъ державцемъ»⁸). Вслѣдъ затѣмъ Каменгаузенъ распространяется на тему о томъ, что преданію «нельзя не придавать вѣры особенно въ области генеалогическихъ данныхъ»⁹), и исключительно на преданіи, не подтверждаемомъ, а скорѣе опровергаемомъ изысканіями автора, приходитъ къ вышеприведеннымъ утвержденіямъ¹⁰). При этомъ ему не приходитъ въ голову проверить показанія «доставреннѣйшихъ лѣтописей» и подлинность разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріаловъ и актовъ, а безъ такой проверки нельзя дѣлать и никакихъ прочно обоснованныхъ заключеній. Благодаря такимъ свойствамъ изысканій Каменгаузена, мы не можемъ опереться на ихъ результаты относительно происхожденія Андрея Кобылы.

Ищающъ затѣмъ нѣсколько трудовъ XVIII вѣка, авторы которыхъ болѣе или менѣе бездоказательно рассказываютъ о предкахъ родоначальника Романовыхъ¹¹), познакомимся съ любопытнымъ произведеніемъ герольдмейстера петровскихъ временъ Ст. Андр. Кольчева, который составилъ въ 1722 году записку подъ заглавіемъ: «Исторіографія, вкратцѣ собранная

изъ разныхъ хроникъ и летоисчисель»¹²⁾. Въ этой запискѣ Кольчевъ повѣствуетъ о Прусскомъ королѣ Прутено, который въ 373 году по Р. Х. «для старости своей, отдавъ въ вѣчное обладательство свое королевство брату своему Веїдевуту»¹³⁾. Одинъ изъ потомковъ сына Веїдевута, Педрона, Гландосъ Камбила въ 1280 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году упомянутый Гландосъ Камбила Дивоновоу сыну, изъ дому Педрона Ведевитовича, поколѣніе свое линейно производящій, самъ прииде къ Московскому великому князю Данилѣ Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законѣ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ все творять Латынники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то мно, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарицаніи иноземскихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а иначе древніе писари Русскіе, недовольные въ граматическихъ ученіяхъ, весьма иноземныя прозванія и имена отбѣяли, недопуская вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мно поему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кабыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры»¹⁴⁾.

Этотъ рассказъ, да и вообще все изслѣдованіе Кольчева, основанное на показаніяхъ писателей позднихъ и склонныхъ къ смѣлымъ догадкамъ, изобилуетъ явнымъ баснословіемъ¹⁵⁾. Поэтому и свѣдѣнія о Камбиліонѣ, въ немъ сообщаемыя, не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Правда, случаи искаженія иностранныхъ названій и русификація ихъ общеизвестны. Вспомнимъ, хотя бы «Стекольный» вмѣсто Стокгольма. Но не менѣе известны и обратные примѣры творчества книжниками разнымъ мнѣческимъ лицъ для объясненія географическихъ названій и т. д. Такъ, въ Хронографѣ редакціи 1512 года сообщается о томъ, какъ ирѣкій царь «Вузъ» «сотвори Византію... и роди... дщерь и нарече Византію»¹⁶⁾. Но книжники не удовольствовались созданіемъ «Вуза». Они стали рассказывать, что «Визъ... роди... дщерь, нарече имя ей Антія; и созда градъ... и нарече имя граду тому во имя дщере своей и въ свое, Византію»¹⁷⁾. Мы встрѣтимся еще съ подобной книжной легендой, когда будемъ говорить о пресловутомъ Прусѣ, братѣ Римскаго Кесаря Августа. Поэтому ограничимся здѣсь указаніемъ, что слово «Кобыла» можно съ неменьшимъ правомъ считать прозвищемъ, на какіи такъ надокъ и до сихъ поръ русскій народъ. Прозвища многихъ членовъ рода Андрея Кобылы и цѣлый родъ

русских фамилий дают намъ яркіе примѣры этой склонности, встречаемой и у другихъ національностей ¹⁸). На основаніи приведенныхъ соображеній позволительно усомниться въ существованіи Гланды Камбиліона, Дивонова сына ¹⁹).

Можетъ впрочемъ показаться, что нами не принято во вниманіе слѣдующее обстоятельство: Кольчовъ принадлежалъ къ потомству Андрея Кобылы и могъ руководиться семейными преданіями. Однако обратившись къ показаніямъ другого представителя этого же рода и притомъ жившаго въ болѣе раннее время, мы не находимъ уже имени Гланды Камбиліона. Мы разумѣемъ здѣсь начало поколѣнной росписи Шереметевыхъ, составленной бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ и за собственоручной подписью представленной имъ 23-го мая 1686 года въ Разрядъ. Вотъ это начало: «Родъ Пруссаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла: Приѣхалъ изъ Пруссы отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Федоръ Андреевичъ» ²⁰). Эту роспись Шереметевъ подалъ въ Разрядъ для офиціального пополненія и исправленія старой родословной книги. Плодомъ этого пополненія явилась знаменитая Бархатная книга ²¹). Въ интересахъ Шереметева было сообщить о своихъ предкахъ какъ можно болѣе полныя свѣдѣнія, при чемъ скорѣе можно было бы ожидать упоминанія о какомъ нибудь мнѣнческомъ родоначальникѣ, чѣмъ пропускъ имени дѣйствительнаго пращура ²²). Отсюда ясно, что названный бояринъ не зналъ никакого Гланды Камбилы, Дивонова сына ²³). Зато и Шереметевъ сообщаетъ о владѣтельномъ происхожденіи Кобылы и о выѣздѣ его изъ «Пруссы». Когда возникли эти преданія?

Идя въ глубь времени, видимъ, что не только въ серединѣ XVII столѣтія, но и въ концѣ XVI вѣка были увѣрены въ истинности второго факта. Такъ въ челобитной одного изъ вотомковъ Шевляги, который по родословнымъ былъ роднымъ братомъ Андрея Кобылы, поданной въ 1643 году на окольного князя Ѳ. Ѳ. Волконскаго, сказано « . . . а нашъ, государь, холоней твоихъ родъ пошелъ отъ прародителя нашего отъ Федора Ивановича отъ Шевляги. Какъ опъ выѣхалъ изъ Прус . . . » ²⁴). Подобно этому и въ родословной конца XVI и начала XVII-го вѣка отмѣчается: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы, выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмцъ...» ²⁵). Въ приведенныхъ случаяхъ не упоминается о владѣтельномъ происхожденіи Андрея Кобылы. Однако преданіе объ этомъ существовало уже въ XVI вѣкѣ. Это видно изъ словъ Курбскаго объ Юаннѣ IV:

«Потомъ погубилъ родъ Кольчевыхъ, также мужей свѣтлыхъ и парочныхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародительныхъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Пѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголють его быти съ роду князятъ Ренскихъ»²⁶).

Слова Курбскаго очень любопытны. Они, какъ отмѣчено выше, показываютъ, что уже въ XVI вѣкѣ преданіе о вѣстительскомъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако имя Михаилъ указываетъ или на болѣе отдаленнаго предка рода Романовыхъ, или на то, что преданіе о его высокомъ званіи явилось поздно и искажаетъ факты. Кроме того Курбскій говоритъ, что Михаилъ былъ «съ роду князятъ Ренскихъ». По справедливому объясненію Устрялова Ренскій значитъ имперскій²⁷). А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо относить къ позднему времени. Во всякомъ случаѣ можно думать, что мысль о вѣстительскомъ происхожденіи Андрея Ивановича не была въ ходу въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, мѣстничаясь въ 1500 году съ княземъ Даниломъ Щенятемъ, бояринъ Юрій Захарычъ Кошкинъ не ссылаясь на свое происхожденіе отъ вѣстительнаго князя, что ему было бы очень выгодно сдѣлать²⁸). Да и о Пруссіи, отечествѣ своихъ предковъ, онъ не вспомнилъ.

Считая такимъ образомъ преданіе о вѣстительскомъ и о иноземномъ происхожденіи боярина Андрея Кобылы возникшимъ поздно и внушающимъ большія и основательныя сомнѣнія²⁹), мы должны отвѣтить на два вопроса: 1) что было причиной возникновенія подобнаго преданія, 2) что дало поводъ вести родъ Андрея Ивановича изъ Пруссіи.

Относительно перваго вопроса отвѣтъ подсказывается хотя бы только что приведеннымъ мѣстническимъ случаемъ. Потомки удѣльныхъ и великихъ князей, ставши слугами Московскихъ государей «забывали» прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты. Они несомнѣнно коледи имъ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ и вслѣдствіе старались ихъ отгѣнить на задній планъ. Трудно было держаться старымъ слугамъ Московскаго Князя, и вотъ надо было опереться на какое-нибудь преданіе, которое могло бы возвысить ихъ въ глазахъ аристократически настроенныхъ новыхъ сотоварищей и соперниковъ и поставить нетитулованную знать на одинъ уровень съ титулованной. Воспоминанія о давней близости фамиліи къ Московскимъ князьямъ, о постоянной знатности предковъ, невольно наводили мысль на гордыя преданія. Притомъ вести себя отъ туземныхъ князей не было возможности и приходилось прибѣгнуть къ предположенію

о выѣздѣ предковъ изъ чужихъ земель ³⁰); на это натакивали дѣйствительные случаи выѣзда знатныхъ чужестранцевъ въ Москву въ XV и XVI вѣкахъ, не говоря уже о многихъ русскихъ людяхъ, явившихся изъ другихъ княжествъ и земель служить великому Князю Московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовѣстно повѣрить въ существованіе какого-нибудь «свѣтлаго и парочитаго» выѣзжаго предка. Въ результатѣ получилось лобоньтное явленіе: почти все не княжескіе дворянскіе роды въ Россіи повели свое начало отъ заѣзжихъ выходцевъ ³¹). При этомъ многіе знатныя фамиліи вели себя изъ пѣмцевъ въ частности «изъ Прусей» ³²).

Такое предпочтеніе Прусей имѣло свое основаніе. Познакомимся съ нимъ. Для этого надо вспомнить, что послѣднія десятилѣтія XV вѣка были началомъ нашей политической самостоятельности и большого вышшаго могущества. Московскій великій князь благодаря усиліямъ своихъ предковъ и своимъ собственнымъ усиліямъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ освободилъ свою страну отъ пѣкогда грознаго татарскаго ига, соединилъ въ своихъ рукахъ обладаніе почти всей сѣверовосточной Русью и къ народной радости и гордости съ большимъ основаніемъ могъ назвать себя государемъ и самодержцемъ всея Руси. Впередѣ открывались еще болѣе широкія перспективы: окончательное объединеніе русской земли, покореніе татарскихъ ханствъ, стремленіе къ берегамъ Балтійскаго моря, принятіе царскаго титула. Но и къ концу 1400-хъ годовъ русскій великій князь поднялся на головокружительную высоту. Паденіе Византіи дѣлало его политическимъ главою и покровителемъ православія. Естественно поэтому получила большую извѣстность и распространеніе горделивая теорія о Москвѣ—третьемъ и послѣднемъ Римѣ, выраженная въ краткой формулѣ: «два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти».

Гордая притязанія государей и народа на міровую роль Руси, имѣвшія исторически-жизненное основаніе, хотѣлось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображеніями. Бракъ московскаго великаго князя и греческой царевны Софій Палеологъ давалъ, правда, первому извѣстное право считать себя преемникомъ Византійскихъ или Восточноримскихъ императоровъ. Но хотѣлось большаго, хотѣлось независимо отъ грековъ явиться законными наследниками ихъ міроваго значенія. Тогда, какъ справедливо отмѣтилъ покойный академикъ Н. Н. Ждановъ ³³), «оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отно-

шеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наследство и представить при этомъ оправдательные документы». Тогда то и возникла легенда о Прусе, братѣ «Кесаря Августа», который «разряди вселенную братіи своей»... При этомъ «сему Прусу тогда поручено бысть властодержество изъ березовъ Вислы реки, градъ Мадборокъ и Торунь и Хвойница и преславый Гданескъ и ины многи грады по реку елаголемую Немонь, впадуюю въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса съзвани бинше» «Рюрикъ и братія его: и егда еще живяху за моремъ, и тогда Варяги именовашуся и изъ заморія имяху дасть на Чюди и на Славенемъ и на Кривичахъ»³⁴. Не трудно понять, почему Пруссія была сочтена родиной Рюрика. Летопись говорила о племени Руси, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и имѣвшемъ князьями Рюрика съ братією. Созвучіе слова Русь (Руссія) и Пруссія дѣлало для людей XV и XVI вѣка, простыхъ филологовъ, не знавшихъ, что подобная этимологія невозможна, отождествленіе ихъ вполне правильнымъ и заманчивымъ. Представленіе о древнемъ Римѣ, какъ всемірной монархіи, позволяло считать Августа властителемъ и Пруссіи, а распространенный тогда взглядъ на государство, какъ на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводилъ на мысль о раздѣлѣ Римской имперіи Кесаремъ Августомъ въ пользу императорской родни. О томъ, что названіе страны дало имя и мюнхенскому родоначальнику Пруссіи, Прусу, можно было бы и не упоминать.

Легенда о Прусе, измышленная, по предположенію Жданова, знаменитымъ писателемъ XV вѣка, Нахоніемъ, выходящемъ изъ югославянскихъ земель³⁵), а, быть можетъ, скажемъ мы, и другимъ досужимъ книжникомъ, отвѣчала помысламъ русскихъ великихъ князей и горделивымъ чаяніямъ русскаго народа. Поэтому она пользовалась большимъ почетомъ въ нашей древней письменности³⁶ и заслужила полное признаніе и довѣріе со стороны государей и ихъ подданныхъ. Царь Иванъ вполне ей довѣрялъ, вѣрили и русскіе люди XVI—XVII вѣковъ³⁷). Какъ соблазнительно и заманчиво, какъ просто и естественно было вывести изъ Пруссіи и себя стародавнимъ слугамъ и помощникамъ московскихъ великихъ князей! Какъ легко повѣрить тому, чему хочется вѣрить!

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы лично всецѣло готовы примкнуть къ мысли Ш. П. Петрова о туземномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы. Но не можемъ вполне согласиться съ поч-

теплым автором относительно его дальнейших выводов. Н. П. Петрову все дѣло представляется въ такомъ видѣ. Андрей Ивановичъ Кобыла былъ внукомъ знаменитаго боярина XIII—XIV вѣковъ Іакнѳа Великаго и происходилъ изъ Новгорода, гдѣ была Прусская улица, около которой удалось обнаружить существованіе въ прежнее время Кобыльяго проѣзда и Кобыльей улицы³⁸). По родословныя потомковъ Іакнѳа, извѣстныхъ московскихъ бояръ Челядшихъ и Бутурлиныхъ, молчатъ о такомъ родствѣ, и мы ничѣмъ не можемъ провѣрить предположеній Н. П. Петрова, высказанныхъ имъ очень рѣзко и утвердительно. Затѣмъ, не отрицая возможности новгородскаго происхожденія предка династїи Романовыхъ, не можемъ не указать, что обозначеніе улицы, гдѣ жилъ въ Новгородѣ этотъ предокъ, въ качествѣ мѣстности, откуда онъ появился въ Москвѣ, было бы чрезвычайно страннымъ и необычнымъ. Мы скорѣе допустили бы, что нѣкоторое смутное семейное преданіе о Прусской улицѣ, какъ мѣстожителствѣ Андрея Кобылы, могло еще болѣе натолкнуть его отдаленныхъ потомковъ XVI вѣка на мысль о Прусской землѣ, какъ его прежнемъ отечествѣ. Во всякомъ случаѣ новгородское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько нибудь твердо нельзя. Это осталось до сихъ въ области предположеній.

Какъ на болѣе или менѣе вѣроятныя догадки мы смотримъ и на результаты интересныхъ изысканій Г. С. Ш., обнародованные имъ въ статьѣ «Князь Аѳанасій Дашловичъ, сынъ князя Данила Александровича Московскаго»³⁹). Осторожный авторъ не высказываетъ прямо и положительно своихъ выводовъ, а дѣлаетъ рядъ сопоставленій и намековъ, предоставляя читателю самому придти къ извѣстнымъ заключеніямъ. Если попытаться создать изъ этихъ намековъ цѣлую картину, то она нарисуетя въ такнхъ, приблизительно, очертаніяхъ. Въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ жилъ знатный мужъ Иванъ (Ивошь), котораго Г. С. Ш., повидному, склоненъ считать выходцемъ изъ Пруссїи. Князь Дмитрій Александровичъ и Новгородцы отдали около 1265 года этому Ивану Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ. У Ивана были дѣти: Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Аѳанасія Дашловича, брата Калиты. Князь этотъ жилъ въ Новгородѣ и былъ тамъ любимъ народомъ. Благодаря родственнымъ связямъ съ домомъ князя Данила Московскаго Андрей Кобыла и ѣздилъ въ 1347 году посломъ за великой княгиней Марїей⁴⁰).

Такая картина несмотря на всю ея заманчивость и остроумныя сближенія, сдѣланныя ея авторомъ, очень проблематична. Нельзя сказать,

что она не соответствует действительности, но ничѣмъ нельзя доказать и обратнаго утвержденія. Поэтому остается повторить, что объ Андрей Кобыльѣ мы имѣемъ одно только достоверное извѣстіе, приведенное въ началѣ настоящей главы. Изъ этого извѣстія можно сдѣлать только одинъ совершенно прочный выводъ. Андрей Кобыла былъ близкимъ и знаменитымъ слугой-бояриномъ великаго князя Симеона Гордаго. А такъ какъ близость и довѣріе приобретаются и въ особенности приобретались въ тѣ времена годами долгой и вѣрной службы, то возможно съ большой увѣренностью допустить предположеніе о томъ, что Андрей Ивановичъ служилъ уже первому собирателю русской земли. Во всякомъ случаѣ съ династіей Калиты родъ Андрея Кобылы былъ связанъ еще въ стародавнія времена, когда возвышеніе Москвы было дѣломъ будущаго, а мысль о томъ, что «Богъ перемѣнитъ Орду» была смѣлою и отчаянною мечтой.

II.

Изъ родословцевъ извѣстно, что «у Андрея Ивановича у Кобылы» было «5 сыновъ. 1-й Семень Жеребедь; 2-й Александръ Елка, 3-й Василій Вантей бездѣтенъ, 4-й Гаврило Гавна, 5-й Федоръ Кошка» ⁴¹. Изъ этихъ сыновей отмѣтимъ прежде всего Александра Елку, родоначальника знаменитаго и многочисленнаго рода бояръ Кольчеховыхъ. Однако точныхъ свѣдѣній о дѣятельности и жизни его и его братьевъ: Семена, Василія, Гаврилы у насъ нѣтъ. За то младшій сынъ Андрея Ивановича, Федоръ Андреевичъ Кошка, былъ замѣтнымъ человекомъ своего времени и выдающимся бояриномъ своего государя, знаменитаго Дмитрія Донскаго. Быть можетъ, онъ дѣлалъ послухоу при составленіи Донскимъ первой его духовной, написанной въ 1371 году, оберегалъ Москву въ 1380 году во времена Мамаева нашествія на Русь, «вытягалъ» въ пользу своего государя «Товъ и Медьнь у Смольнишъ» ⁴². Нельзя, впрочемъ, утверждать положительно участія Кошки ни въ одномъ изъ названныхъ событій: у Донскаго было два боярина Федора Андреевича: Сибль и Кошка. При способѣ нашихъ древнихъ источниковъ обозначать людей въ большинствѣ случаевъ только по имени и отчеству трудно бываетъ установить съ точностью, кого именно они разумѣютъ. Оба они подписались на второй духовной князя Дмитрія Ивановича ⁴³. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью думать, что вся жизнь боярина Кошки протекла на службѣ Московскимъ князьямъ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ

боярь, которые въ малолѣтство Донского вмѣстѣ со св. митрополитомъ Алексѣемъ оберегли интересы своего князя и русской земли, и съ полнымъ правомъ слушалъ знаменательныя слова умирающаго героя Куликовской битвы, обращенныя имъ къ собравшимся къ нему близкимъ совѣтникамъ и слугамъ: «Родихся передъ вами и при васъ возрастохъ и съ вами царствовахъ. Землю Россійскую держалъ . . . И мужествовахъ съ вами на многи страны и противнымъ страшень бывъ во бранехъ и поганья шложихъ Божіею помощію и враги покорилъ. Великое Княже-ніе свое вельми укрѣпихъ, миръ и тишину земли Русьстей сотворилъ, отчину свою съ вами соблюдохъ, еже ми предаде Богъ и родители мои. И вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами грады держалъ и великія власти, и чада ваша любилъ, и никому же зла не сотворилъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорилъ, ни разграбилъ, ни избечествовахъ, но всёхъ любилъ и въ чести держалъ. И веселихся съ вами, съ вами и поскорбѣхъ. Вы не парекостеся у меня бояре, но князи земли моеи» ⁴⁴).

До сихъ поръ намъ удалось отмѣтить только одинъ прочно установленный фактъ изъ жизни Феодора Андреевича Кошки. Но мы имѣемъ еще одно драгоценнѣйшее свидѣтельство объ этомъ бояринѣ, вѣрнѣе объ его значеніи при Московскихъ государяхъ. Въ 1409 году послѣ извѣстнаго нашествія на Русь Эдигея, этотъ ординскій князь прислалъ грамоту великому князю Василію Дмитріевичу и въ ней между прочимъ писалъ: «Добрыя права и добрая дума и добрыя дѣла были къ Орде отъ Феодора отъ Кошки—добрый былъ человекъ,—которые добрыя дела ординскія, то и тобѣ воспоминалъ, и то ся минуло» ⁴⁵). Эти слова ясно указываютъ, какимъ вліяніемъ пользовался въ Москвѣ умный и осторожный бояринъ. О вліятельности Кошки можно заключить изъ того, что въ 1393 году онъ ѣздилъ во главѣ посольства въ Великій Новгородъ и для подкрѣпленія мирнаго докончанія съ Новгородцами и вернулся домой съ полнымъ успѣхомъ ⁴⁶). Съ первостепеннымъ Московскимъ бояриномъ вступилъ въ свойство даже самъ великій князь Тверскій, женившій одного изъ своихъ сыновей на дочери Феодора Андреевича, Ашиѣ ⁴⁷).

Изъ сыновей Кошки, умершаго или постригнагося въ монахи не позже 1405 года ⁴⁸), извѣстны особенно Иванъ, Феодоръ Голтій, Александръ Беззубецъ. Внукъ послѣдняго, Андрей Шереметь, сталъ родоначальникомъ стариннаго и знаменитаго рода боярь Шереметевыхъ, процвѣтающаго до нашихъ дней въ двухъ вѣтвяхъ: графской и нетитулованной. Еще болѣе славная судьба вышла на долю боярамъ Романовымъ, прямымъ

потомкамъ боярина Ивана Феодоровича. Подписавшись въ 1406 году въ числѣ 7-ми бояръ на духовной великаго князя Василя Дмитріевича⁴⁹), онъ былъ казначеемъ и любимцемъ этого государя, о чемъ мы имѣемъ упоминаніе въ уже извѣстномъ намъ письмѣ Эдигея. Разсерженный переменною политикою Московскихъ князей относительно Орды, этотъ татарскій князь вспоминалъ добрыя, по его мнѣнію, времена вліянія Феодора Кошки и жаловался: «а нынѣ у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина, и ты нынѣ не того слова, не того думы не выстунаешь. Ино того думою учинилась твоему уму пакость. Крѣстьянѣ изгнани, и тыбѣ оныя тако не дѣлалъ, а молодыхъ нѣ слушалъ»⁵⁰).

Паставленія и жалобы Эдигея рисуютъ намъ людей двухъ поколѣній и темпераментовъ и даютъ намъ понятіе, какъ измѣнилось настроеніе въ Москвѣ къ XV вѣку. Феодоръ Кошка представляется намъ дипломатичнымъ политикомъ. Подобно первымъ князьямъ собирателямъ онъ умѣлъ таить свои личныя чувства къ татарамъ, притворяться расположеннымъ къ Ордѣ, пожалуй и заискивать передъ ней. Иванъ Феодоровичъ пережилъ въ юности впечатлѣнія Куликовской битвы и подъема, съ ней связаннаго. Смѣлый и отважный, онъ полагалъ, что для русскихъ настала пора стряхнуть съ себя иго, и хотя ошибся въ этомъ, однако, не потерялъ расположенія своего государя. По крайней мѣрѣ онъ подписался на 2-хъ духовныхъ великаго князя Василя Дмитріевича, писанныхъ въ 1423 и 1424 годахъ, при чемъ оба раза занималъ четвертое мѣсто среди бояръ⁵¹).

О сыновьяхъ Ивана Феодоровича Кошкина исторіи извѣстно очень мало. Подпись одного изъ нихъ, боярина Феодора Ивановича, мы находимъ на 2-й и 3-й духовной великаго князя Василя Дмитріевича⁵²). О дѣятельности другихъ не сохранилось даже и такихъ скудныхъ указаній. За то мы имѣемъ любопытный лѣтописный рассказъ, связанный съ именемъ наиболее интересующаго насъ сына Ивана Феодоровича, боярина Захарія Ивановича Кошкина, прадѣда царицы Анастасіи и царскаго шурина Пикиты Романовича. «Въ лѣто 6940», гласитъ это повѣствованіе, — «во осени, князь великій обручалъ за себя князю Марию, дщерь Ярославлю, а внуку Марыи Голтлевы..... Въ лѣто 6941. Князь великій Василей Васильевичъ женился на Москвѣ, по Крещеніи въ мясоѣдъ великій, поималъ дщерь князя Ярослава Володимировича именемъ Марию, и на той свадьбѣ Захарія Ивановича Кошкина ималъ за поясъ у князя у Василя у Юрьевича у Косого»⁵³. Въ другой лѣтописи приведены и слова Захарія Ивановича: «тотъ поясъ проналъ у меня, коли крали казну мою»⁵⁴).